

Я. Ф. КАПЛАН

Плюшкин: Психологический разбор его

(По поводу речи проф. В. Ф. Чиж

«Плюшкин как тип старческого слабоумия»)

<фрагменты>

Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему *его же* * портрет в старости.

Гоголь

Проф. Чиж давно уже занимается изучением психопатологических типов в произведениях классических представителей отечественной литературы. Из-под его пера вышла работа о героях Достоевского, подлежащих психологическому анализу психиатра; а не так давно он посвятил лекцию творениям Тургенева, из которых он выбрал и изучил персонажей с патологическими явлениями в сфере психики¹. Теперь по поводу Гоголевского дня — 21 февраля 1902 г. — проф. Чиж, насколько нам известно, первый осуществил чрезвычайно удачную мысль психологического изучения одного из тех действующих лиц гоголевских творений, имя которого настолько воплощает для нас определенный тип, что, сделавшись синонимом его, превратилось в нарицательное. Речь свою, произнесенную 21 февраля 1902 года, проф. Чиж посвятил «Плюшкину как типу старческого слабоумия».

Цель, которую преследовал проф. Чиж, желая осветить тип, принадлежащий, быть может, лучшему творению Гоголя, указывается им в его речи. По его мнению, сам автор «Мертвых душ», с таким мастерством создавший образ Плюшкина, понимал его неверно, а за ним, конечно, неверно толковали его и читатели. С точки зрения психопатолога, проф. Чиж не может согласиться с содержанием тех строк Гоголя, в которых он, последними штрихами дорисовав Плюшкина, объясняет нам коротко, но художественно и сильно смысл им созданного образа, — цель той главы

* Курсив мой.

произведения, которая недаром считается одним из драгоценнейших перлов литературы. «Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет, в суровое, ожесточающее мужество — забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдает назад и обратно! Могила милосерднее ее: на могиле напишется: “Здесь погребен человек”; но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости».

Проф. Чиж, считающий Плюшкина типом старческого слабоумия, думает, что Гоголь воспроизвел образ *больного* человека, что «старость сама по себе может быть прекрасна», что страшна не она, а страшна болезнь; но ни Гоголь, ни другие, к сожалению, не считали Плюшкина больным человеком, впадая в ошибку, которая всегда дорого стоит и которая повторяется в жизни всякий раз, когда психически больного человека окружающие принимают за здорового. Ошибка эта, несомненно, ужасна, и ведет к тяжким последствиям: она не проходит безнаказанно.

Вот в кратких словах та точка зрения, на которую становится проф. Чиж при разборе гоголевского типа.

Как и всегда в своих лекциях и речах, проф. Чиж умеет возбудить любовь и интерес к затрагиваемому им вопросу, осветить его с новой точки зрения, вызвать на размышления. С сознанием этого приступаешь всегда к чтению того, что принадлежит перу проф. Чижа. И на сей раз мы должны быть особенно благодарны ему за то, что он своей речью имел в виду содействовать уяснению гоголевского типа. Нет никакого сомнения в том, что речь проф. Чижа будет способствовать более близкому знакомству как специалистов-психопатологов, так и обширного круга читающей публики с тем литературным типом, к которому теперь впервые пробужден интерес с совершенно особой, важной, но еще никем не затронутой точки зрения.

Психиатры должны быть чрезвычайно признательными проф. Чижу за разбор гоголевского типа с точки зрения, которая дает в изобилии пищу уму психиатра при изучении явлений повседневной жизни, знание которых — одна из прекраснейших и насущнейших его обязанностей. И пусть именно глубокий интерес, который пробудила во мне его речь, оправдает желание подвергнуть тип Плюшкина психологическому анализу с точки зрения, не вполне отвечающей мнению проф. Чижа.

Начну с разбора речи проф. Чижа*, при чем буду останавливаться на отдельных местах ее в том порядке изложения, которого держался автор.

По его мнению, Плюшкин не тип скряги, а *тип старческого слабоумия*, который может быть правильно истолкован только с специальными сведениями по психиатрии. И сам Гоголь, «с удивительной отчетливостью нарисовавший Плюшкина, страдающего старческим слабоумием», и критика и публика, «всегда считали» Плюшкина, как думает проф. Чиж, «скупцом, так же, как считают здоровыми скрягами всех Плюшкиных, которых встречают в жизни». Это «объясняется незнанием психиатрии».

«Старческое слабоумие, — говорит далее автор, — описано Гоголем так ясно, так верно и, вместе с тем, так художественно, что к сказанному о Плюшкине нужно добавить лишь очень немного, чтобы объяснить, насколько психиатрия может подтвердить подмеченное и нарисованное Гоголем». Гоголь, у которого все остальные герои люди психически здоровые, «с гениальной чуткостью уловил главные признаки старческого слабоумия и дал нам в Плюшкине тип несчастного, страдающего старческим слабоумием».

«Как это обыкновенно бывает при старческом слабоумии, первое проявление болезни состояло в притуплении нравственных чувствований», следствием чего была безучастность к семье. «Притупление нравственных чувствований с годами прогрессировало»: утратились социальные чувствования, наступило сужение интересов, исчезло даже «элементарное чувствование честности». «Плюшкин не стыдился ни лгать, ни красть». «Простые эгоистические чувствования», как, напр., вкусовые и эстетические потребности — все рушилось. «Грязь и неряшливость, жалкая пища дворовых, заплесневший сухарь» — все это не вызывало в *большом* отвращения. «*Душевная болезнь* настолько разрушила душевные силы Плюшкина, что он уже не мог ни сильно радоваться, ни глубоко страдать; притупление чувствований сделало его безучастным ко всему в мире. Ничто уже не могло серьезно обрадовать и глубоко огорчить слабоумного старика». «У него сохранилось, как и у многих, страдающих старческим слабоумием, одно лишь чувствование — любовь к собственности». Однако,

* Чиж В. Ф. Плюшкин как тип старческого слабоумия // Врачебная газета. 1902. № 10.

«Плюшкин был настолько уже слабоумен, что не понимал относительной ценности приобретаемых им вещей».

Рука об руку с упадком чувствований шло ослабление умственных способностей: «память настоящего у Плюшкина была ослаблена настолько, что он уже не мог вести хозяйства»; «произвольное мышление стало невозможным»; «он не мог направлять свое внимание, не мог обсуждать своих дел»; «сложные суждения о причине и цели были не по силам слабоумному старику». «Старческое слабоумие было настолько резко, что он уже не мог обнимать сознанием все обстоятельства, и потому не мог руководствоваться отдаленными целями. Он действовал, думал и говорил лишь о ближайшем настоящем». «Отдаленные цели для него как бы не существовали, потому что он не мог живо и ясно представить себе будущее и, следовательно, жил всецело настоящим».

«Мы еще не вполне понимаем, — говорит проф. Чиж, — почему при старческом слабоумии обыкновенно развивается бред преследования; эти больные крайне подозрительны, недоверчивы, думают, что их обманывают, обкрадывают и даже замышляют на их жизнь». Страх, боязливость, недоверчивость и подозрительность — «все эти обычные симптомы старческого слабоумия» — налицо у Плюшкина. «Идеи бреда» и «подозрительность Плюшкина», как выражается проф. Чиж, «н настолько нелепы, что он упрекал Мавру: «На страшном суде черти припекут тебя за это железными рогатками», потому только, что не нашел кусочка чистой бумаги».

«Старческое слабоумие разрушает все душевные способности и потому у Плюшкина воля была ослаблена настолько же, насколько чувствования и умственная деятельность»: слабость воли выразилась в «быстром расстройстве образцового хозяйства», державшегося крепкой волей «хорошего хозяина», каким был Плюшкин до болезни. «Ослабевающая воля не могла осуществить стремлений заболевшего». Место разумной воли заступает сила привычки. «Силой привычки и старческим слабоумием объясняется бестолковая скупость Плюшкина, объясняется все его поведение. Скупость Плюшкина — не страсть, не психологическое, а чисто патологическое явление, и в этом смысле мы должны понимать бессмертный тип великого художника». «Плюшкин должен считаться типом старческого слабоумия»*.

* Во всех приводимых цитатах из речи проф. Чижа — курсив мой.

Проф. Чиж не соглашается только «с мнением Гоголя о старости». «Старческое слабоумие, — говорит он, — как и всякая душевная болезнь, грозна, страшна, но старость сама по себе может быть прекрасна, что доказал нам наш великий мыслитель и художник Л. Н. Толстой».

Я почти дословно воспроизвел из речи проф. Чижа все то, что, в основных чертах, служит для него материалом при оценке психического состояния Плюшкина, как старческого слабоумия.

Как же представляет себе проф. Чиж развитие у Плюшкина того психического состояния, которое он называет старческим слабоумием? Как понимает он всю историю *болезни* * Плюшкина?

«Старческое слабоумие, как преждевременная, ранняя старость, — отвечает проф. Чиж, — развилась у Плюшкина, как и у многих подобных лиц, без всякой причины».

Мне кажется, что проф. Чиж упускает из виду содержание того отрывка из посвященной Плюшкину главы «Мертвых душ», который, на мой взгляд, является лучшим, по тонкости психологического анализа, местом ее. Он представляет собою замечательно верный, в клиническом и психологическом смысле, «анамнез», воспроизводя все течение «болезни» Плюшкина вплоть до того момента, когда с ним встречается Чичиков. И почему проф. Чиж ни одним словом не обмолвился об этом прекрасном отрывке и таким образом лишил себя необходимого условия для правильного понимания психологии Плюшкина? Между тем вот что мы узнаем из этого отрывка.

«А было время, когда он (Плюшкин) только был бережливым хозяином! Был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости»... «Везде, во все входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал хлопотливо, но расторопно по всем концам своей хозяйственной паутины».

Слишком сильные чувства не отражались в чертах лица его, но в глазах был виден ум; опытностью и познанием света была проникнута речь его, и гостю было приятно его слушать». «Сам хозяин являлся к столу в сюртуке, хотя несколько поношенном, но опрятном; локти были в порядке; нигде никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними мелких забот, перешла к нему. Плюшкин стал беспокойнее и, как все вдовцы,

* Во всех приводимых цитатах из речи проф. Чижа — курсив мой.

подозрительнее и скупее... Старшая дочь Александра Степановна скоро убежала с штабс-ротмистром... В доме стало еще пустее. Во владельце стала заметнее обнаруживаться скупость; сверкнувшая в жестких волосах его седина, верная подруга ее, помогла ей еще более развиться... Сын вместо палаты определился в полк... Наконец, последняя дочь умерла, и старик очутился один сторожем, хранителем и владетелем своих богатств. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и, чем более пожирает, тем становится ненасытнее; человеческие чувства, которые и без того не были в нем глубоки, мелели ежеминутно и каждый день что-нибудь утрачивалось в этой изношенной развалине».

Из этого отрывка следует, что Плюшкин и в лучшие годы своей жизни не отличался глубиной и силой человеческих чувств, другими словами, что обнаружившиеся впоследствии в нем перемены должны быть поставлены в прямую связь и некоторую зависимость от этих свойств, отличавших его в зрелости. Гоголь наглядно показывает нам, как, в виду этих свойств, всегда присущих Плюшкину, он неминуемо должен был дать в период, когда психические силы человека обычно подвергаются процессу регрессивного развития, картину того состояния, которое мы у него и наблюдаем. Наступившие в условиях жизни перемены опять-таки обычны для многих. Многих постигает удар, к которому Гоголь приурочивает поворот в психическом складе Плюшкина, и, если не все вдовцы расходятся с детьми так, как Плюшкин, то все же многие остаются одинокими, вдали от своих детей. Гоголь, следовательно, поставил Плюшкина в условия не исключительные, а такие, какие в жизни встречаются нередко. Сами по себе они не могут повлиять на психику человека коренным образом, и Гоголь понимал это. Они лишь рельефнее очерчивают и выпуклее оттеняют тяжелую картину и без того нарастающего психического упадка человека. Гоголь поступил вполне согласно с жизненной правдой, *соединив художественным чутьем своим условия, которые с известного возраста обычны в жизни человека, с теми изменениями, которые происходят в нем самом.*

Стало быть, вывод из этого отрывка не соответствует тому, к которому приходит проф. Чиж. Гоголь, скажем мы, основываясь на разборе указанного отрывка, *вовсе не считал Плюшкина только обыкновенным скупцом.* Если бы он имел о в виду воплотить в Плюшкине тип скряги, ему незачем было бы прибегать к тонкому

анализу постепенно нараставших в психике Плюшкина изменений, незачем было бы выяснять условия, при которых совершались они, незачем было бы, наконец, пользоваться определенным — старческим — периодом жизни своего героя. Для того чтобы создать тип, в котором скупость, как говорит проф. Чиж, была бы страстью, явлением психологическим, Гоголю незачем было бы останавливаться на Плюшкине, как на объекте неподходящем. Если я верно понял проф. Чижа, — Гоголь, по его мнению, желая создать тип скряги, с «удивительной отчетливостью» нарисовал тип «старческого слабоумия», или, другими словами, облек свою мысль в неподходящий конкретный образ. И, наоборот, выхватив из жизни и воспроизведя с редкой ясностью и правдивостью слабоумного старика, сам того не сознавая, совершенно неверно толковал подмеченное явление. Так полагает проф. Чиж, и, конечно, тем самым оказывает Гоголю, великому и проникновенному знатоку человеческого ума и сердца, плохую услугу. Гоголь, как следует из рассуждений проф. Чижа, не понимал того, что так правдиво описывал, или, — придется сказать, развивая дальше мысль проф. Чижа — преследовал определенную цель, желал нарисовать известный тип, но выбрал для этого неудачный пример. Но так ли это?

Уже вышеприведенный отрывок творения Гоголя подсказывает нам, какой ответ мы должны дать. Ответ этот отрицательный.

Неверно толкуют тип Плюшкина, по мнению проф. Чижа, и критика, и публика. Твердо установившееся понимание этого типа, думает проф. Чиж, неправильно. Я полагаю, что и это не вполне так. Дело в том, что между Плюшкиным — синонимом скряги и Плюшкиным-героем Гоголя критика не может не делать разницы, тем более, что на разницу эту указывает сам Гоголь. «И до какой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек? мог так измениться?» Эти слова резюмируют нам образ Плюшкина, если можно так выразиться, с чисто симптоматической стороны. Этот симптомокомплекс, эту совокупность определенных черт человека мы можем синонимизировать словом «Плюшкин»; мы можем считать эти черты типичными для скряги. Но из этого не следует, что Степан Плюшкин, герой «Мертвых душ», представлял собой не что иное как скрягу. Что представлял Степан Плюшкин, мы узнаем из слов того, кто создал этот образ, и не должно иметь места неправильное толкование критика там, где сам автор, не ограничиваясь одним

лишь воспроизведением образа, мастерски, одним штрихом, истолковывает его нам. Степан Плюшкин, говорит Гоголь, — портрет пламенного юноши в старости, портрет, от которого он отскочил бы с ужасом, если бы *ему* показали *его*. Употребляя еще раз приведенное выше сравнение, мы должны заключить: *с внешней, чисто симптоматической стороны Плюшкин тип скряги; на самом же деле он — портрет старости.*

Уместно будет пояснить только что высказанную мысль слишком хорошо известными примерами из психопатологии. При врожденном слабоумии у больного часто проявляется стремление к поджигательству, стремление, когда-то называвшееся особым именем «пиромании». При некоторых душевных болезнях нередко наблюдаются эксцессы in Baccho aut Venere. Если бы, пользуясь такого рода патологическим примером, автор литературного произведения дал художественное описание его, легко могло бы стать, что образ, нарисованный автором, сделался бы синонимом поджигателя, развратника или пьяницы. Но из этого не следовало бы, что данный герой литературного произведения попросту поджигатель, развратник или пьяница: он больной человек, которого болезнь сделала таким. Совершенно то же и с Плюшкиным. Рисуя тип «ничтожности, мелочности и гадости», Гоголь вовсе не считал Плюшкина лишь образцом этих отрицательных черт. Он знал, что это не «психологическая» ничтожность, мелочность и гадость, а результат изменения личности, обусловленного старостью. Я никак не могу понять, почему проф. Чиж полагает, что Гоголь не понял описанного им типа и что за автором не поняла его ни публика, ни критика?!

Итак, Гоголь, как следует из вышеприведенных рассуждений, поставил себе целью дать «портрет старости», которая, согласно его характеристике, «грозна, страшна и ничего не отдаёт назад и обратно». Что же хотел изобразить Гоголь? Откуда должен был заимствовать он первообраз своего героя? Должен ли он был воспользоваться картиной здоровой, физиологической старости, или же изобразить случай патологически измененной старости? Какова разница между той и другой? Отвечает ли созданный им тип Плюшкина поставленной задаче? Вот вопросы, напрашивающиеся на разрешение.

А priori исходя из поставленной Гоголем цели, надо думать, что он стремился к изображению того, что часто останавливало на себе его внимание. Все произведение, в котором одним из действующих

лиц является Плюшкин, заключает в себе целую галерею образов, являющих, по своей законченности, цельности и полноте, настоящие «типы». Тип, каждая отдельная черта которого заимствована у какого-либо первообраза, частности которого коренятся в жизни и взяты у нее, в совокупности своих свойств обычно суммирует разрозненные явления природы, превосходя своею полнотою то, что встречается в жизни. Это одна отличительная черта типа. Другая состоит в том, что типичное не может быть редко: «типичность» и «редкость» исключают друг друга. Следовательно, анализируя Плюшкина, мы должны себе сказать: Гоголь встречал нередко отдельные черты, совокупность которых представляет образ Плюшкина, и имел в виду дать в лице Плюшкина тип того, что заурядно. Таким образом, с точки зрения автора, его герой должен был воплотить собой частое явление, воспроизвести то, что видел автор чуть ли не на каждом шагу, но мимо чего обыкновенные люди, неодаренные «всеведением» Гоголя, проходили мимо. Гоголь, говоря кратко, наблюдал изменения, происходящие в психической сфере человека в старости, подметил типичные черты и задался целью вылить их в форму. Относительно редкие болезненные изменения не могли, следовательно, отвечать задаче Гоголя.

<...>

В предыдущих строках мы наметили ту область нормальной и патологической психологии, которой коснулся Гоголь, вывода Плюшкина.

Что же такое Плюшкин? являет ли он образ, имеющий целью воспроизвести физиологические или же патологические изменения, претерпеваемые психикой в старости?

Исходя из рассуждений о чисто литературной задаче автора, мы склонны думать, что Гоголь, как он сам выясняет это, преследовал цель, заключающуюся в изображении обычного постепенного старческого упадка душевных сил.

К такому заключению приводят нас предположительные рассуждения. Посмотрим, согласуется ли с этим самое описание, — образ, нарисованный Гоголем.

Мы, действительно, находим у Плюшкина притупление чувствований, упадок умственных способностей и ослабление воли — симптомокомплекс, указывающий на общее понижение душевных сил. Но констатирование его не дает еще само по себе права признавать это понижение душевных сил патологическим, в том смысле, чтобы считать его болезнью. Конечно, никто не со-

мневается в том, что всякий упадок психики — результат лежащих в основе его соматических изменений. Нельзя, однако, в силу одного этого относить к патологии все отрицательные изменения, присущие определенному возрасту и наступающие с неумолимой закономерностью. Обычное поседение — не болезнь, хотя и может наступать в различном возрасте, в различной степени и даже вовсе не наступать до очень глубокой старости. Поэтому то важно выяснить, находится ли картина, рисуемая Гоголем, в пределах физиологического или же уклоняется от него настолько, что вступает всецело в область патологического и должна быть отнесена к старческому слабоумию. Проф. Чиж считает картину, нарисованную Гоголем, *типичной* для старческого слабоумия, а Плюшкина человеком, страдающим этой болезнью.

Против такой решительной оценки наблюдаемых у Плюшкина явлений, против такого возведения его образа в *тип старческого слабоумия*, т. е. в типичный случай определенной болезни, нельзя не возражать.

Психопатология не может и не должна, как мы уже выше сказали, считать все те изменения, которые характеризуют старческое увядание душевных сил — старческим слабоумием. Под последним наука понимает такой упадок психики, который достиг известной степени и проявляется явно патологическими симптомами. Конечно, — и на это было уже указано мною — определение границы между той степенью изменений, которая причисляется еще к области физиологического, и той, которая принадлежит области патологии — вещь трудная и, в известных пределах, условная, произвольная. Из этого не следует однако, чтобы в каждом данном случае психопатология была вправе ограничиваться указанием на существование у данного субъекта ослабления всех психических отправления и называть это старческим слабоумием. Чтобы признать в конкретном случае старческое слабоумие, т. е. такую болезнь, которая наблюдается отнюдь не у всех стариков, а сравнительно редко, между тем как старческий упадок психики явление заурядное, необходимо, с одной стороны, *в известной степени выраженное количественное отступление* от нормы, с другой стороны — *качественные нарушения* хода психических отправления. К первого рода отступлениям от минимума, свойственного психически здоровому человеку, относится приглушение чувствований, расстройство способности сохранения впечатлений, оскудение памяти и мышления, нарастающая

ограниченность кругозора и целый ряд родственных явлений. Ко второго рода симптомам относятся такие, которые, указывая на глубокое, несомненно болезненное поражение психики, заключаются в приступах возбуждения, иллюзиях, галлюцинациях и бреде. Вот почему картина выраженного старческого слабоумия характеризуется настолько типичным комплексом симптомов, что дает возможность видеть в нем своеобразную, достаточно определенную в смысле симптоматологии, самостоятельную нозологическую единицу. Эпитет «старческий», как совершенно верно замечает Ноше *, указывает не на принадлежность известных изменений психики к точно ограниченному периоду человеческой жизни, а на определенную физиономию этих отклонений. Одно из явлений, наблюдаемых в более слабой степени и в здоровой старости и составляющее отличительную черту собственно старческого слабоумия — *глубокое* расстройство способности сохранить впечатления, наряду с уцелевшей памятью о давно прошедшем, придает старческому слабоумию совершенно особый отпечаток и отличает типичные случаи его от случаев всякого другого душевного страдания. Старческие черты психики, представляющие физиологическую принадлежность определенного возраста — упрямство, недостаточная эластичность мышления, утомляемость его, упадок способности сохранять впечатления, притупление высших чувствований и, как следствие этого, эгоистическая ограниченность душевных движений, склонность к ипохондрическим проявлениям, подозрительность, недоверчивость и т. д. — все это явления, которые до тех пор нельзя истолковывать как болезненные нарушения душевной деятельности и делать им соответствующую оценку, пока к ним не присоединятся более крупные расстройства, из которых наиболее существенным оказывается прогрессирующий упадок интеллекта. Какое значение имеет дифференцирование физиологических старческих отступлений от патологических уклонений для решения социальных и судебных вопросов — очевидно само собой. Оно и подчеркивается проф. Чижом в его «Частной патологии помешательства» **: «ослабление памяти, значительное замедление умственных процессов еще не лишают стариков возможности вполне верно судить о своих делах» ...

* Ноше. Handbuch der gerichtlichen Psychiatric. 1901.

** Чиж В. Ф. Частная патология помешательства. 1898.

«только идеи бреда, обманы чувств, меланхолические и маниакальные состояния являются доказательствами тяжелой душевной болезни».

Имеем ли мы в Плюшкине действительно типичную картину старческого слабоумия?

Я позволяю себе дать отрицательный ответ.

По мнению проф. Чижа, «старческое слабоумие описано Гоголем так ясно, так верно и вместе с тем так художественно, что к сказанному о Плюшкине нужно добавить лишь очень немного, чтобы объяснить, насколько психиатрия может подтвердить подмеченное и нарисованное Гоголем». Это едва ли так. Если бы Гоголь, действительно, дал нам типичную картину старческого слабоумия, проф. Чиж в своей «Частной патологии помешательства», вероятно, скорее решился бы указать на это описание, чем на «Войну и Мир» Толстого и «Дядюшкин сон» Достоевского. Однако он этого не делает. Да это и вполне понятно, так как желающий ознакомиться с типичной картиной старческого слабоумия едва ли нашел бы подходящий для этого объект в описании Гоголя. Изменения, наступившие в психике Плюшкина, слишком незначительны для этого; слишком близко стоит она для этого к физиологически измененной психике старца и слишком слабо намечены в Плюшкине те изменения, которые кладутся в основу научного выделения старческого слабоумия в особую болезнь. В его психике совершенно отсутствуют качественные изменения и столь важное глубокое изменение способности сохранять впечатления.

При оценке наблюдавшегося у Плюшкина упадка душевных сил, проф. Чиж упускает, по моему мнению, из виду три важных соображения. Прежде всего, личность Плюшкина в годы его «сурового, ожесточающего мужества». Склад этой личности в зрелом возрасте может объяснить нам многое из того, что наблюдалось у него в старости и при том лучше, чем ссылка на его болезнь, в которой ищет объяснения проф. Чиж. Во-вторых, не следует забывать закона исторической перспективы: видеть в упреке Плюшкина по адресу Мавры доказательство нелепых «бредовых идей» значит игнорировать современные Плюшкину понятия психически здоровых людей. «Подозрительность Плюшкина достигает той степени, что нельзя и сомневаться в его болезни», говорит проф. Чиж. Однако, едва ли можно сомневаться в том, что недоверчивость и подозрительность стариков является «выражением

чувства нарастающей несостоятельности», которое «в этом возрасте дает себя знать то более, то менее сильно и здоровому человеку» (Краерелин). Поэтому нельзя видеть в проявлениях, встречающихся у Плюшкина, «нелепый бред», настоящие «бредовые идеи»: всякий из нас встречал у нормальных старцев подозрительность и недоверчивость в таких пределах, как у Плюшкина, в особенности в тех случаях, когда субъект всегда отличался некоторой подозрительностью. В-третьих, заслуживает внимания и то обстоятельство, что, выводя в лице Плюшкина определенный «тип», Гоголь должен был сгустить краски и сконцентрировать замеченное у многих отдельных лиц в один образ, совершенно так, как это сделано им по отношению к другим «типам», в психическом здоровье которых никто не сомневается.

<...>

Разбором нескольких отрывков я хотел показать, что если не все, то большинство из того, что входит в описание образа Плюшкина, укладывается в рамки наблюдаемых в старости физиологических изменений психики.

Я не стану отрицать, что в Плюшкине мы наталкиваемся на некоторые черты, которые указывают на упадок его психики, более глубокий, чем при обыкновенной физиологической старости: особенно сильно поражены у него чувствования, и прежде всего нравственные. Но должен еще раз заметить, что при истолковании этого явления необходимо считаться с психологией Плюшкина в годы зрелости. И мы вправе заключить, что смысл литературного образа Плюшкина, центр тяжести его, если можно так выразиться, заключается не в тех чертах плюшкинской психологии, которые представляют отклонения физиологических старческих изменений в сторону патологии и приближают ее к картине старческого слабоумия, а в тех, в которых художник изображает мощными размахами кисти незаметное, постепенное изменение человека, у которого в лучшие годы жизни хотя и «не отражались слишком сильные чувства в чертах лица, но в глазах был виден ум». Человеческие чувства «мелеют ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивается в изношенной развалине». В изображении этого, как говорит автор, и состояла цель его, и образ Плюшкина представляет бессмертное изображение действительно «грозной и страшной, идущей впереди старости». Если бы Гоголь поставил себе задачей — нарисовать старческое слабоумие, мы должны были бы считать эту задачу не только чрезвычайно узкой, но и не-

понятной с точки зрения идеи, лежащей в основе всего творения Гоголя. Напротив, то, что дал нам Гоголь в поэтической, чрезвычайно художественной и редкой по правдивости и выпуклости форме, захватывает жизнь гораздо шире и глубже. Оно воплощает то, что мы встречаем на каждом шагу, что мало, однако, привлекает наше внимание и мимо чего мы проходим, не оценивая в достаточной мере грустного, но неотвратимого закона природы, верное понимание которого столь важно для наших житейских и социальных отношений.

Огромное значение той главы «Мертвых душ», в которой мы знакомимся с Плюшкиным, обуславливается, как мы видим, описанием не тех черт его психологии, которые могли бы указывать на развитие душевной болезни в виде старческого слабоумия, а тех, которые с таким мастерством выхвачены из повседневной жизни и красноречиво рисуют обычную картину психической старости. Вот почему считать бессмертный образ Плюшкина иллюстрацией к главе из психопатологии значит умалять значение его и великую заслугу Гоголя. Гоголь заимствовал свои образы у повседневной жизни, у физиологии, а не у патологии, и это остается справедливым даже для тех из них, к которым, как к образу Плюшкина, примешивается патологический элемент. *Психология старости — вот область, которую освещает нам Гоголь, рисуя Плюшкина.*

<...>

